

– С. 81-92. Зарецкая Е.Н. Риторика / Е.Н. Зарецкая. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 270 с. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в предверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций / Л.М. Землянова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 301 с. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с. Косилова М.Ф. Инструкция к медикаментам: Лингвистика на службе практики / М.Ф. Косилова // М.: Изд-во МГУ. Вестник московского университета. – 2003. – № 3. – С. 14-21. Минский М. Фреймы для представления знаний [Электронный ресурс] / М. Минский. – 1979. – Режим доступа: <http://shtz.shadrinsk.net/source/Minsk/sod.htm> Приходько А.Н. Дискурсивные акты vs речевые акты как единицы коммуникативной деятельности / А.Н. Приходько // Язык. Текст. Дискурс. Научн. альманах. – Ставрополь: СГПИ. 2010. – № 8. – С. 83-93. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): дисс. ... д-р. филол. наук: 10.02.01 / Салимовский Владимир Александрович. – Екатеринбург, 2002. – 341 с. Штерн И.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики: Енциклопедичний словник / И. Б. Штерн. – К.: АртЕк, 1998. – 336 с. Dirven R., Verspoor M. Cognitive Exploration of Language and Linguistics / R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2004. – 289 p. Glinz H. Textanalyse und Verstehenstheorie II. Studienbücher zur Linguistik und Literaturwissenschaft / Hrsg von H. Glinz, H. Sitta, K. Brinker, J. Klein. – Wiesbaden: Verlagsgesellschaft Athenaion, Band 6, 1978. – 325 S. Große E.U. Text und Kommunikation. Eine linguistische Einführung in die Funktionen der Texte / E.U. Große. – Stuttgart: Kohlhammer, 1976. – 215 S. Sandig B. Textlinguistik des Deutschen. Studienbuch / B. Sandig. – B., N.Y.: Walter de Gruyter, 2006. – 584 S. Schank R. C., Lenger E. Beliefs, Reasoning, and Decision Making: Psycho-Logic in Honor of Bob Abelson / R. C. Schank., E. Lenger. – 2nd ed. Hillsdale: Ac. Press, 2001. – 548 p.

ИВАНЕНКО С.В.

(Запорожский национальный университет)

ЛЕКСЕМЫ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ ЕДИНИЧНОГО И ОСОБЕННОГО

В статье рассматриваются лексемы цветообозначения в современном русском и английском языках, которые являются формами выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного. Раскрывается понятие лингвофилософских категорий единичного и особенного. Анализируется использование лексем цветообозначения как форм указанных категорий в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: лексемы цветообозначения, лингвофилософская категория, единичное, особенное.

Іваненко С.В. Лексеми на позначення кольору в сучасній російській та англійській мові як форми вираження лінгвофілософських категорій одиничного та особливого. У статті розглядаються лексеми на позначення кольору у сучасній російській та англійській мовах, які є формами вираження лінгвофілософських категорій одиничного та особливого. Розкривається поняття лінгвофілософських категорій одиничного та особливого. Аналізується використання лексем на позначення кольору як форм вказаних категорій у тексті художнього твору.

Ключові слова: лексеми на позначення кольору, лінгвофілософська категорія, одиничне, особливе.

Ivanenko S.V. Colour terms in modern Russian and English languages as the forms of expression of lingua-philosophical categories of the Single and the Special. The colour terms in modern Russian and English language which are the forms of expression of lingua-philosophical categories of the Single and the Special are examined in the article. The concept of lingua-philosophical categories of the Single and the Special is disclosed. The usage of colour terms as the forms of these categories in literature is analysed.

Key words: colour terms, lingua-philosophical category, Single, Special.

Для характеристики цвета используются не только имена прилагательные, но и другие части речи, в том числе существительные, глаголы, наречия. При этом в обозначении цвета обнаруживается единичное и особенное, что мы и освещаем в нашей статье. Лексемы цветообозначения в современном русском и английском языке мы анализируем с учётом лингвофилософского подхода. Рассмотрение лексем цветообозначения как форм выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного позволяет разграничивать более точно семантические оттенки анализируемых слов, выявлять их специфику в семантическом и функциональном аспектах.

Целью нашего исследования является рассмотрение форм и семантики лингвофилософских категорий единичного и особенного в группе лексем цветообозначения в современном русском и английском языке.

Для достижения указанной цели мы ставим следующие задачи: рассмотреть философское и лингвистическое толкование категорий общего, единичного и особенного; сопоставить семантику и семантическую структуру категорий единичного и особенного; выявить лексемы цветообозначения, являющиеся формами выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного; установить особенности употребления лексем цветообозначения в логико-семантическом пропозиitive (ЛСП) высшего уровня.

Объект исследования – лексемы цветообозначения современного русского и английского языка.

Предмет исследования – лексемы цветообозначения современного русского и английского языка как формы выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного.

Как отмечает философский энциклопедический словарь, единичное – это “философская категория, выражающая относительную обособленность, дискретность, отграниченность друг от друга в пространстве и времени вещей и событий, присущие им неповторимые особенности, составляющие их уникальную качественную и количественную определённость” [Философский энциклопедический словарь 1989, с. 183].

“Особенное – философская категория, выражающая реальный предмет как целое в единстве и соотношении его противоположных моментов – единичного и общего. Обычно особенное рассматривается как нечто, опосредствующее отношение между единичным и общим. Особенное выступает не просто как промежуточное звено между единичным и общим, а прежде всего как объединяющее их начало в рамках целого. Категория особенного – важный момент движения познания в глубь объекта” [Философский энциклопедический словарь 1989, с. 183].

Данные философские категории отражаются и в языке. В.В. Бабайцева в своих исследованиях упрочивает теорию многоаспектности синтаксических единиц, семантика которых рассматривается с использованием шкалы переходности [Бабайцева 1979]. Труды В.В.Бабайцевой развивают структурно-семантическое направление в лингвистике [Бабайцева 1983, 1988, 1973], а также логико-семантическое [Бабайцева 1988, 1973], обосновывают лингвофилософское направление в исследовании языковых единиц, которое предполагает трактовку категорий единичного и особенного как лингвофилософских. Статус грамматических эти категории получают в исследовании Г.Н.Кондратьевой при выявлении специфики обобщённости [Кондратьева 1993]. Названные категории соответствуют тем критериям, что предъявляются к категориям языка, которые квалифицируются как структурно-семантические, ибо этот термин учитывает и план содержания, и план выражения. План содержания грамматической категории, как говорит А.В.Бондарко, – это её “семантический потенциал”, выявляющийся в системе дифференциальных признаков, а “план выражения грамматической категории – это системно-организованные грамматические средства” [Бондарко 1976, с. 30].

Г.Н.Кондратьева, характеризуя основные признаки грамматических категорий, которые важны для оценки структурно-семантических категорий, представляет их в системе: 1) инвариантное значение; 2) дифференциальные семы; 3) система формальных средств выражения семантики; 4) бинарный характер; 5) способность создавать диады и триады в системе языка; 6) возможность преобладания семантической доминанты [Кондратьева 1993, с. 32].

Заметим, что лингвофилософские категории единичного и особенного связаны не только между собой, но и с категориями общее и частное, а также с категориями обобщённость и множественность, определённость и неопределённость. Если единичное – это один предмет, явление, признак, действие, то общее – это характерное не одному, а множеству предметов, явлений, признаков, действий. Частное же – это результат деления общего, что проявляется в единичном. Наконец, особенное – это отличительное, свойственное чему-то единичному. Таким образом, названные категории составляют блок категорий, которые характеризуются определённой связью между собой [Кондратьева 1993].

Категория единичного (англ. *singularity*), как отмечает Г.Н.Кондратьева, – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, содержащая семы ‘конкретность’, ‘типичность’ и имеющая многоуровневые языковые средства выражения [Кондратьева 1993, с. 81]. Являясь универсальной, категория единичного проявляется на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Проявляя себя как воплощение определённых признаков в конкретных языковых формах, как категория с семантической структурой, включающей доминантную сему единичность, а также семы ‘известность’, ‘конкретность’, ‘типичность’, категория единичного тесно связана с категорией частного [Кондратьева 1993, с. 82].

Как указывает Г.Н.Кондратьева, категория частного (англ. *specifically*) – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, обозначающая конкретный, известный нетипичный предмет реального мира или его признак и имеющая языковые многоуровневые средства выражения [Кондратьева 1993, с. 83]. В отличие от категории единичного категория частного представлена в языке менее широко, так как отражает нетипичное, новое, развивающееся, что может впоследствии осознаваться носителями языка как общее.

Очень близка семантике категории частного категория особенного, которая, по замечанию Г.Н.Кондратьевой, – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, отражающая нетипичное уникальное явление и имеющая языковые средства выражения [Кондратьева 1993, с. 85]. С категорией частного категорию особенного сближают семы ‘конкретность’, ‘известность’,

'нетипичность', 'единичность', главной дифференциальной семой у категории особенного является сема 'уникальность' [Кондратьева 1993, с. 85]. Категория особенного в отличие от других категорий не имеет системы языковых средств, формой же языкового выражения категории особенного, как отмечает Э.В.Кузнецова [Кузнецова 1989, с. 34], является уникальная сема на лексическом уровне языка, которая может обнаруживаться в семантической структуре слова.

Рассматриваемая на лексическом уровне категория единичного проявляется при выделении лексем, которые воспринимаются как единичные благодаря существованию определённой семантики, известной, конкретной, обособленной, свойственной определённой лексеме, на основании чего и возможно её дальнейшее сопоставление с другими лексемами, включение её в текст. Например, лексема **золото**, как отмечается в толковом словаре, отличается следующим набором дифференциальных сем. 1. Хим. элемент, благородный металл жёлтого цвета, обладающий большой ковкостью и тягучестью. 2. Собр. Изделия из этого металла, золотые вещи. 3. Собр. Золотые монеты, деньги. 4. Разг. О ком-,чём-либо отличающемся большим достоинством [Словарь русского языка 1981-1984].

Лексема **серебро** характеризуется следующим набором дифференциальных сем. 1. Хим. элемент, благородный металл серовато-белого цвета с блеском. 2. Собр. Изделия из этого металла. 3. Собр. Мелкая разменная монета из сплава, в который входит этот металл или никель. 4. Перен. То, что своим блеском и цветом напоминает этот металл, похоже на него. // Седина, седые волосы. // Серовато-белый с блеском цвет, окраска чего-л. 5. Перен. Мелодичность, звонкость и чистота (голоса, звука) [Словарь русского языка 1981-1984].

Другие лексемы с корнями рассмотренных имён существительных проявляют такие наборы дифференциальных сем.

Золотой. – 1. Прил. к золото. // Содержащий золото. // Сделанный из золота, покрытый золотом. // Вытканый, шитый золотом. // Исчисляемый на золото, по курсу золота. 2. В знач. сущ. золотой. Золотая монета; червонец. 3. Блестяще-жёлтый, цвета золота. 4. Перен. Замечательный по своим достоинствам, прекрасный. 5. Перен. Счастливый, цветущий; блестящий, великолепный. 6. Перен. Дорогой, любимый. 7. Как сост. часть некоторых бот., зоол. и минералогич. названий [Словарь русского языка 1981-1984].

Золотистый. – 1. Цветом похожий на золото, блестяще-жёлтого отлива. 2. Как сост. часть некот. бот., зоол. и минералогич. названий [Словарь русского языка 1981-1984].

Серебряный. – 1. Прил. к серебро. // Содержащий серебро. // Сделанный из серебра, покрытый серебром. // Вытканый или вышитый нитями из серебра. 2. Цветом или блеском напоминающий серебро; блестяще-белый, с блестящим отливом. // Перен. Седой. 3. Мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т.п.) [Словарь русского языка 1981-1984].

Серебристый. – 1. Цветом и блеском напоминающий серебро, отливающий серебром; блестяще-белый. // С сединой, с проседью, отливающей серебром (о волосах, мехе). 2. Мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т.п.). 3. Как сост. часть нек. бот. и зоол. названий [Словарь русского языка 1981-1984].

Золотеть. – Разг. 1. Выделяться своим золотым цветом; блестеть как золото (о чём-либо золотистом, блестящем). 2. Становиться золотым, приобретать цвет золота [Словарь русского языка 1981-1984].

Золотить. – 1. Покрывать слоем золота, позолотой. // Перен. устар. Делать привлекательным, украшать. 2. Освещая, придавать чему-либо золотистый цвет, оттенок [Словарь русского языка 1981-1984].

Золотиться. – 1. Выделяться своим золотистым цветом, блеском; блестеть, сверкать (о чём-либо золотом, золотистом). 2. Становиться золотистым, казаться золотым [Словарь русского языка 1981-1984].

Серебрить. – 1. Покрывать слоем серебра. 2. Делать серебристым, придавать чему-либо серебристый цвет, оттенок, блеск. // Делать несколько седым [Словарь русского языка 1981-1984].

Серебриться. – 1. Становиться серебристым, приобретать серебристый цвет, блеск; блестеть, отливая серебром. 2. Выделяться своим серебристым цветом, блеском, виднеться (о чём-либо серебристом) [Словарь русского языка 1981-1984].

В английском языке, как показывает толковый словарь английского языка Вебстера [Webster's Third New International Dictionary of the English Language 1967], соответствующие семы проявляются в таких лексемах: *gilt, gold* - n; *gilt, gilded, gold, golden* - adj; *gild* - vt; *golden* - vb; *silver* - n; *silver, silvery* - adj; *silver* - vb.

Набор дифференциальных сем способствует вычленению лексем в самостоятельные языковые единицы и определяет круг их сочетательных возможностей, в русском языке – **золото, золотой, золотистый, золотеть, золотить, золотиться, серебро, серебряный, серебристый, серебрить, серебриться**; в английском языке – *gilt, gold* - n; *gilt, gilded, gold, golden* - adj; *gild* - vt; *golden* - vb; *silver* -

n; *silver, silvery* - adj; *silver* - vb, vt, vi.

Лингвофилософская категория единичного – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, содержащая семы ‘конкретность’, ‘типичность’ и имеющая многоуровневые средства выражения.

Лингвофилософская категория единичного выполняет систематизирующую функцию, и лексемы, являющиеся формами выражения данной категории, в разной степени актуализируют сему ‘цвет’: в максимальной, в средней, в минимальной.

Формы категории единичного упрочивают интернациональное в любом естественном языке, подчёркивая типичность в большей мере процесса цветообозначения.

Формами выражения категории единичного являются имена прилагательные современного русского и английского языков, называющие основные оттенки цветов спектра, а также варианты каждого цвета спектра.

Категория особенного чётко осознаётся на фоне единичного, поскольку у этих двух категорий имеется не только общее в семантической структуре, но и различие, что кроется в семе ‘уникальное’. По утверждению Э.В.Кузнецовой [Кузнецова 1989, с. 34], в лексическом значении слова могут быть так называемые ‘потенциальные’ семы, которые не осмысляются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных, переносных значениях слова или в его отдельных употреблениях.

Формой языкового выражения этой категории является ‘уникальная’ сема – лексический уровень языка, которая может обнаруживаться в семантической структуре слова. Например, сравним специфику употребления лексем **золотистый, золотиться, золото, серебриться, серебро, серебряный** в русском и английском языках: 1) рыба лежала на спине, **серебряным брюхом кверху** – *the fish was on his back with his silvery belly up*; 2) **серебряная**, перевитая фиолетовыми полосами – *silver and barred with purple*; 3) макрель подпрыгнула в воздух, **переливаясь чистым золотом** в последних лучах солнца – *jumped in the air, true gold in the last of the sun*; 4) тунец **блеснул серебром** на солнце – *the tuna shone silver in the sun*; 5) каштановые волосы **золотились**, как спелая пшеница, сожжённая солнцем – *her hair was golden brown of grain field that has been burned dark in the sun*; 6) **бледно-золотистый** верхний покров – *pale gold in the surface*; 7) **серебрясь** в вышине – *silvery in the high sky* [Хемингуэй 1987; Хемингуэй 1971].

Выделенные лексемы **золотистый, золотиться, золото, серебриться, серебро, серебряный** употребляются для обозначения цвета.

Рассмотренные лексемы претерпевают процесс метафоризации и тем самым уже являются формами выражения категории особенного. Подчеркнём, что всякая метафора в своей семантической структуре содержит сему эмоционально-оценочного характера и обязательно семы ‘нетипичность’, ‘уникальность’.

Лингвофилософская категория особенного – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, отражающая нетипичное, уникальное явление и имеющая языковые средства выражения. Категория особенного чётко осознаётся на фоне единичного, поскольку у этих двух категорий имеется не только общее в семантической структуре, но и различие, что кроется в семе ‘уникальное’. Претерпевая процесс метафоризации, рассматриваемые нами лексемы цветообозначения становятся формами выражения категории особенного на лексическом уровне.

Лексемы цветообозначения как формы выражения лингвофилософской категории особенного в ЛСП (логико-семантический пропозитив) высшего уровня [Кондратьева 1996, с. 143] используются авторами произведений при создании цветовой символики, при описании многоцветия окружающего нас мира. Система структурно-семантических категорий с семантической доминантой, куда входит и рассматриваемая категория, формирует глубинную семантику художественного текста.

Категория особенного чётко осознаётся на фоне единичного, так как у категории особенного и единичного есть не только общее в семантической структуре, но и различие, которое даёт сема ‘уникальность’.

Поэтическая метафора – это всегда специфическая форма выражения лингвофилософской категории особенного. Лексико-семантическая группа слов цветообозначения является одной из важнейших форм выражения категории особенного на лексическом уровне в ЛСП высшего уровня.

Принцип многоярусной семантики позволяет видеть содержание, лежащее на поверхности, призванное маскировать скрытый смысл и глубинное содержание текста, которое “спрятано”, как в упаковочном материале, в поверхностном содержании [Кондратьева 1996, с. 147]. Текст как ЛСП высшего уровня требует определённого сложного истолкования. Например, в самом названии рассказа С.Мозма “Рыжий” потенциально заложены семы ‘нетипичность’, ‘уникальность’, которые

своиственные категории особенного, а специфика семантики текста заключается в её многослойности, в существовании поверхностной и глубинной семантики.

На поверхностном уровне лексема *рыжий* называет человека, который получил это прозвище благодаря цвету волос, которые были красно-жёлтые, огненного цвета [Словарь русского языка 1981-1984, с. 356].

Рыжий был красавец хоть куда ... он был ослепительно красив. *Рыжим* его прозвали за огненные волосы... [Мозэм 1983, с. 88].

...that *Red* was the most comely thing you ever saw ... his beauty just took your breath away. They called him *Red* on account of his *flaming* hair [Maugham 1977, p. 243].

Но на глубинном уровне в лексеме цветообозначения *рыжий* (*red*) актуализируются семы 'нетипичность', 'уникальность', которые являются характерными для категории особенного. Сема 'цвет' гасится, и актуализируются семы 'безответственный', 'распутный', 'непостоянный', 'ненадёжный', 'расточительный', 'ужасный', 'возмутительный', 'отвратительный' человек при описании главного героя рассказа (в англ. языке: of an extreme or profligate nature; syn. FLAGRANT, WANTON [Webster's Third New International Dictionary of the English Language 1967, с. 1900]).

Формы лингвофилософской категории особенного, представляя процесс цветообозначения, упрочивают национальную языковую специфику, актуализируют семы 'уникальность', 'нетипичность'. Эти семы обычно актуализируются в том случае, когда процесс отражения реалий объективного мира происходит посредством метафорических, эмоционально-оценочных, индивидуально-авторских комплексов. Кроме этого, указанные семы могут актуализироваться и в новой лексике, в новых значениях уже известных слов, при этом семантика цветообозначения или актуализируется, или утрачивается.

Лексико-семантические группы цветообозначения в логико-семантическом пропозитиве (ЛСП) высшего уровня привлекаются авторами художественных произведений для описания живой и неживой природы, мира человека – его портретных данных, физического и эмоционального состояния.

Лексемы цветообозначения в русском и английском языках, будучи формами выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного, имеют специфические формы своего текстового выражения.

Категория особенного в русском и английском языках отличается специфическими формами своего выражения на уровне ЛСП высшего уровня в группе лексем цветообозначения, являясь одним из основных средств метафоризации художественного произведения.

Охарактеризованные лингвофилософские категории единичного и особенного входят в систему структурно-семантических категорий, и эта система имеет уровневый характер, участвуя в формировании логико-семантического пропозитива высшего уровня. Лексемы цветообозначения (имя прилагательное, имя существительное, глагол, наречие), а также лексические комплексы, содержащие рассматриваемые лексемы, позволяют актуализировать и лучше понять глубинную семантику ЛСП высшего уровня, представить и воспринять всё богатство прекрасного многоцветия окружающего мира.

Литература

Бабайцева В.В. (Под редакцией) Предложение как многоаспектная единица языка. Русский яз. // Сборник научных трудов. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1983. – 260 с. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1979. – 269 с. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1988. – 158 с. Бабайцева В.В. Явления переходности в системе частей речи. Пособие для факультативных занятий. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1973. – 154 с. Болинджер Д. Атомизация значения: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 200-234. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – 255 с. Кондратьева Г.Н. Логико-семантические пропозитивы. Монография. – М.: МГПИ, 1996. – 200 с. Кондратьева Г.Н. Обобщённость как структурно-семантическая категория в современном русском языке. Монография. – М.: Прометей, 1993. – 200 с. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пос. для филолог. фак. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с. Мозэм У.С. Дождь. Рассказы: Пер. с англ. – М.: Изд-во "Мир". – 431 с. (Дождь. – С. 15-54; Падение Эдварда Барнарда. – С. 53-86; Рыжий. – С. 87-109). Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с. Хемингуэй Э. Старик и море // Иметь и не иметь: Роман, повесть, рассказ: Пер. с англ. – Симферополь: Таврия, 1987. – С. 165-233. Хемингуэй Э. Старик и море: На англ. яз. – М.: Прогресс. – 1971. – 127 с. Maugham W.S. Rain and Other Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1977. – 407 p. (Rain. – P. 25-84; Red. – P. 242-273; The Fall of Edward Barnard. – P. 165-212.) Webster's Third New International Dictionary of the English Language (unabridged) / Editor in Chief Philip Babcock Gove, Ph. D. And Merriam-Webster Editorial Staff. – A Merriam-Webster Reg. U.S. Pat. OFF. – 1967. – 2720 p.